

УДК 821.161.1:1-924.71

МИФ О КРЫМЕ КАК О ВОСТОЧНОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ СТРАНЕ В ПОВЕСТЯХ АЗОВСКОГО ЦИКЛА (XVII ВЕК)

Курьянов С. О.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
E-mail: so_k@inbox.ru*

В статье рассматривается один из этапов формирования второго варианта крымского мифа, сложившегося в XIV—XVII веках. Это миф о чужой мусульманской, враждебной русскому государству земле. Цикл повестей о взятии Азова и азовском осадном сидении донских казаков демонстрирует финальную стадию формирования этого мифа, не меняющего своей сути, но фиксирующего изменения в литературном мышлении русских писателей. Ничего существенно нового в плане информационного понимания Крыма азовские повести не добавляли, однако приближали Крым к русскому читателю более детальным описанием внешнего вида, обычаев и нравов его жителей, вызывая своеобразной экзотичностью описаний интерес к нему, а, следовательно, закладывая в воспринимающем сознание новые мифологические формулы.

Ключевые слова: древнерусская литература, крымский миф, крымский текст, азовский цикл повестей, Крым, крымские татары.

ВВЕДЕНИЕ

Крымский миф бесспорно является основой крымского текста. Без мифологической основы крымский текст, как и другие топические тексты, существовать не может.

Первый вариант крымского мифа формировался в течение первых веков русской письменности. Крещение князя Владимира в Херсонесе закрепило уже сформированный в древнерусской литературе миф о Крыме как святой православной земле. И поэтому, будучи землей далекой от границ Русского государства, Крым на протяжении X—XIII веков тем не менее воспринимался *своей чужой* землей [см. об этом: 8, с. 59—91].

Начиная со второй половины XIII века упоминание Крыма, воспоминания о Крыме из русской литературы практически уходят, а в конце XIV века о нем постепенно вновь начинают говорить, но теперь уже только как о земле *чужой*. Складывается новый миф о Крыме как о Восточной мусульманской стране. Более того, от мифа о святости Крыма с центром в Херсонесе авторы переходят к формированию мифа о порочности Крыма, при этом центром этого мифа становится вовсе не столица Крымского ханства, а крупнейший черноморский крымский порт, торговый центр и, что особенно важно, центр работорговли — генуэзский город Кафа (Феодосия), а также граница Великой Степи (которая в определенной степени еще воспринимается как *своя*) и *чужой* земли — Перекоп. Нередко в литературе этого периода крымский хан так и назван — «перекопский царь» [см., напр.: 7]. Впервые отношение к Крыму как к абсолютно *чужой* земле проявилось в произведениях Куликовского цикла — «Задонщине», летописной повести о Куликовской

битве, «Сказании о Мамаевом побоище». Все — конец XIV века. И все связаны одним именем — ордынского темника Мамаю. Рассказывая о событии, авторы всеми доступными им художественными средствами старались подчеркнуть несправедность действий бежавшего в Крым вражеского военачальника. Так в русской литературе начинает формироваться миф о Крыме как чужой, враждебной земле. Из Крыма совершаются набеги на Русскую землю, Крым сеет разорение и гибель [см.: 8, с. 91—136].

Из всех русских авторов XV—XVI веков, пожалуй, только Иван Грозный в своем послании Василию Грязному изменил общей тенденции, отойдя от нее, но не уничтожив. Сравнение Василия Грязного и его сподвижников с крымцами становится под пером Ивана Грозного инструментом жестокой иронии. Сарказм здесь достигается сравнением своих, русских, с чужими — крымскими татарами. И наличие положительных качеств у чужих и отсутствие их у своих делает русских мелкими, ничтожными, жалкими. Автору особенно хорошо известно, учитывая прошлое социальное положение и характер адресата, что именно такое сравнение будет наиболее болезненным для него. Авторская ирония, таким образом, лишь подчеркивает тот факт, что Крым — чужая земля, а его обычаи и культура — чуждые русскому человеку.

В XVII веке русская литература начинает меняться. В русской культуре и русской литературе становится заметен явный интерес к западноевропейской культурной и литературной традиции. Следствием этого становится появление литературных родов и видов, ей ранее не свойственных. Однако отношение к Крыму в литературе остается прежним, уже традиционным, поскольку даже бурные события начала XVII века не изменили внешнеполитической ситуации, а лишь актуализировали ее. Новые поэтические законы, постепенно входя в литературную жизнь, меняли способы преподнесения материала, в том числе и крымского, добавляя в крымский миф новые детали.

Поэтому **цель данной статьи** — показать своеобразие воплощения «восточного» варианта крымского мифа в цикле азовских повестей XVII века.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В повестях Азовского цикла — о взятии Азова и осадном сидении донских казаков — «исторической», «поэтической» и «сказочной», как их принято называть, прослеживается традиционное однозначно негативное отношение к крымцам и крымскому хану. Отличающиеся в жанровом и содержательном отношении (А. Н. Робинсон видел почти документальную точность в описаниях событий в первых двух и «объединение на легендарной основе» их в третью [11, с. 166, 175]), повести существенно отличаются и в плане эмоционального отношения к войскам противника, в том числе и к крымским войскам.

В «исторической» повести только упомянуто о том, что среди казаков, нацелившихся на захват Азова находился «посол турецкого царя греческия веры родом, зовомы по имени Фома Константинов, а по гречески Тома Ка<н>такузин», который выведал «у всего великого Донского Войска к Азову приступную думу, и послал в Азов с ызменными грамотами, ал из Азова велел послати в Крым для людей, и в Томан и в Керчь. И божиею милостию и пречистые Богородицы помощью и госу-

дарским счастьем, а войсковым радением тех изменников сы их изменными грамотами поймали» [2, с. 51—52]. Немногословность и точность в описании событий повести объясняется, по мнению исследователей, тем, что это «публицистическое произведение, призванное идеологически обосновать необходимость взятия крепости». Она «написана в агитационных целях. Хотя казаки захватили Азов самовольно, вопреки стремлению Московского правительства сохранить мир с Турцией, они хотели убедить царя Михаила Федоровича в пользу этого шага для Москвы и добиться военной поддержки. Отсюда особое почтение к имени царя, нарочитое упоминание о государеве жаловании — хлебных запасах, денежной и пороховой казне» [3, с. 48—49], которые волновали автора больше, нежели какие бы то ни было поэтические детали. «Сопоставление текста повести с текстами казачьих войсковых документов убеждает в том, что нашему автору эти документы были хорошо известны и широко привлекались им во время работы над повестью, хотя язык повести, по сравнению с языком документов значительно и, видимо, нарочито архаизирован» [11, с. 184], — заключает Н. А. Робинсон. Все черты литературности в повести об азовском взятии, констатирует ученый, «еще очень стеснены стремлением автора строго следовать принятой им манере документально-описательного изображения событий» [11, с. 187].

Еще более лаконична так называемая «документальная» повесть, которую А. С. Орлов считал непосредственно предшествующей «поэтической», ее источником, и которая была написана вскоре по приезде «станции» Наума Васильева в Москву в октябре 1641 года. В период подготовки Земского собора 1642 года она должна была сыграть определенную роль в агитации за принятие Азова под царскую руку и оказание казакам военной помощи. Для нее характерно отсутствие лиризма, эмоционально-экспрессивной прямой речи, образных сравнений. Все это позволило говорить о ее невысокой ценности как художественного произведения. Однако она замечательна лаконичной, точной и полной передачей главнейших событий героической трехмесячной осады Азова — с 24 июля по 26 сентября 1641 года, во время которой казаки отразили 24 штурма, 16 подкопов, выдержали артиллерийские обстрелы, когда турки в течение шестнадцати дней делали «по тысячи по шти сот выпусков», сбив городовые стены и башни, разбив церкви и дома «по подошву». Потеряв три тысячи из пяти, защитники Азова тем не менее не согласились сдать Азов туркам за большой выкуп. Так же кратко рассказано о чудесах, сопровождавших осаду. Казаки видят во сне «жену прекрасну в багряной ризе» — Богородицу, «мужа древна, власата, боса» — Иоанна Предтечу, «их, атаманов и казаков, от иноплеменных от поганых заступающа и на поганья помогающа». От образа Иоанна Предтечи, «от суха древа» струей текут слезы, что подчеркивает особую Божью милость к казакам.

Но самое интересное, что осаждавшие Азов воины воспринимаются автором повести крымцами по преимуществу: в первоначальном виде произведение носило заглавие «Сказание о приходе Крымского царя и турецких пашей и о их приступех ко граду Азову» [см.: 5].

Значительно больше об участии крымских татар в осаде Азова находим в «поэтической» повести, время написания которой относят к началу 1640-х годов.

Это «произведение большой художественной ценности. В нем умело соединены формы чисто деловой письменности, живая устная речь в переговорах казаков с турецкими послами, приемы эпического повествования» [6, с. 110]. Главной особенностью этого произведения является его жанр: «...создавая свое произведение, — писал А. Н. Робинсон, — как воинскую повесть какого-то нового и еще незнакомого нашей литературе типа, автор предпринял своеобразное и смелое, творческое начинание». «Жанр повести — донская “войсковая отписка”, — единственный в своем литературном проявлении», вместе с другими произведениями конца XVI — XVII веков, в основу которых был положен тот или иной тип документа, знаменовал «собой начало широкого использования канцелярского языка в литературе, которое в первой трети XVIII в. сделалось в ней господствующим» [10, с. 99, 109].

Поэтому в «поэтической» повести действуют две стихии: документальная, которая способствует точной передаче исторических событий, и художественная, придающая повествованию повышенную эмоциональность, делая читателя (или слушателя) непосредственным участником Азовского взятия и сидения, сопереживателем и сочувственником происходящего, тем более, что казаки, захватившие Азов, являлись не просто их единоверцами, но борцами за православную веру, и чудеса, сопутствующие им, лишь поддерживали ощущение сопричастности к происходящему. Этот чисто литературный прием должен был способствовать тому (и к этому стремился автор), чтобы повесть воспринималась «как агитационно-патриотическое произведение, имевшее целью вызвать в московских читателях наибольшее сочувствие к героям-казакам, убедить в необходимости присоединения Азова к Московскому государству» [11, с. 195].

Уже в самом ее начале повествуется, что «воинских людей переписанной своей рати из-за моря, по спискам его, боевого люду браново 200 000, кроме поморских и кафинских черных мужиков, которые у них на сей стороне моря собраны и которые со всех орд их, и крымские и нагайские» (заметим: ополчение из Кафы и крымские орды) [9, с. 59]; «да с ними ж, пашами, пришел ис Крыму крымской царь, да брат ево нарадым и Крым Гирей царевич и калга, со всею своею крымскою и нагайскою ордою, да крымских и нагайских князей и мурзь и татар» [9, с. 60], «и крымской царь наступил на нас со всеми великими турецкими силами» [9, с. 61]. Перечислив состав вражеского войска, автор ловко переходит к передаче живого общения казаков с представителем осаждающих их врагов: «Ис почал нам говорить голова их яныческой словом царя своего турскаго и от четырех пашей ево, и от царя крымскаго речью глаткою: “О люди божи царя небесного! <...> Наступили есте вы на такую великую десницу высокую на государя царя турсково. <...> Осаждены вы теперво накрепко. <...> Разделили вы государя царя турсково тем Азовым городом со всею ево ордою крымскою и нагайскою воровством своим. А та у него орда крымская — оборона его великая на все стороны страшная. <...> Раздробим всю плоть вашу разбойничю на крошки дробныя!...» [9, с. 61—64]. Эта «глаткая» речь заканчивалась посулами: если отступят казаки и перейдут на сторону турецкого султана, «пожалует вас, казаков, он, государь наш турецкой царь, честию великою. Обогатит вас, казаков...» [9, с. 64]. Не менее пространная речь звучит в ответ: отказываются казаки служить султану, насмехаются над турками и татарами и грозятся: «...люди живут в украинских городех по валу от рубежа крымского и нагайского, и

тут бы собралось его государевых русских людей с одной той украины болши легеона тысящ. Да и такая ево государевы люди руския украинцы, что они жестоки на вас будут и алчны, аки львы яростные и неукротимые, и хотят поясти вашу живую плоть босурманскую» [9, с. 69].

Когда начался приступ, именно крымский хан отказался в нем участвовать. Об автор повести пишет с сочувствием, приводя доводы крымского царя, которые показывают в нем не только военачальника, но и человека, властелина, понимающего ответственность за своих воинов. Сочувствие автора здесь понятно, он видит в хане достойного противника, который уважительно относится к казацким заслугам: «В рати их почела меж их роздряга быти великая. Паши ж турецкие почали крычать на царя крымского, что не ходит он к приступу с ордою с крымскою. Царево слово к пашам и турченям: “Иже ведомы нравы казаки и обычаи. Приступами нам их николи не имывать — в осадах казаки люди жестокосердые. Под светом таких людей не видано и не слыхано! Развее нам на единую их казачью голову давати своих голов по 1000”» [9, с. 74].

Но победные эмоции в конце концов берут верх над размышлениями о тех или иных действиях противника, тем более, что все приобретает характер не простой воинской победы, но победы православных над «бусурманами»: война приобретает характер борьбы за правую веру, и перевес здесь на стороне казаков. Казакам послана «победа была с небеси», «дело божие, не рук наших» [9, с. 79]: «многия, атаманы и казаки, видели явно, что ото образа Иванна Предтеча течаху от очей ево слезы многия по вся приступы, а в первой день в приступное время видеху ланпаду, полну слез от ево образа». А во время казацких вылазок «все видеша бусурманы, турки и крымцы, и нагаи, мужа храбра и младова во одежде ратной со едином мечем голым, на бою ходяще, множество бусурман побиваше», то есть ангела небесного, помогавшего казакам. В помощь казацкому войску являлись святые Борис и Глеб, и видели турки и татары, как «два младыя мужика в белых ризах, с мечами голыми» бьют их [см.: 9, с. 79].

Эти видения, связанные с заступничеством Божиим за казаков, заканчиваются поголовным бегством турок и татар: «А сентября в 26 день в нощи от Азова города турецкие паши и с турки и крымской царь со всеми своими силами за четыре часа досвету, возметясь окоянны и вострепетась, побежали никем нам гоними с вечным позором» [9, с. 79—80]. «Пошли паши турецкие к себе за море, а крымской царь пошел в орду к себе» [9, с. 80]. И «языки в роспросе и с пыток говорили все единодушно, от чево в нощи побежали от града паши их и крымской царь со всеми своими силами: “В нощи де в той с вечера было нам страшное видение. На небеси над нашими полки бусурманскими шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского. И стала она против самого табору нашего, а перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные... <...> От того-то страшнаго видения <побежали мы> без пашей наших и царя крымского с таборов”. А нам, казаком, в ту ношь в вечере видение всем виделось: по валу бусурманскому, где их наряд стоял, ходили тут два мужа леты древними, на одном власяница мохнатая. А сказывают <они> нам: „Побежали, казаки, паши турецкие и крымской царь ис табор и пришла на них победа от Христа, Сы-

на Божия, с Небес от силы Божий”» («два мужа леты древними» — это Иоанн Предтеча и Николай Чудотворец. — С.К.) [9, с. 80].

Любопытно, что, несмотря на вассальную зависимость Крыма от Турции, в данном тексте турки и крымские татары различены, мнение и взгляды турецких пашей и крымского хана далеко не всегда совпадают, а порой и вообще входят в противоречие. И еще одно: автор повести последовательно разделяет турок и татар еще и потому, что в его представлении турки живут оседло («пошли паши турецкие к себе за море»), а крымцы — народ кочевой («крымской царь пошел в орду к себе»). В словаре В. И. Даля первое значение слова «орда» — «кочующее племя, часть кочевого народа, под правлением хана, султана» [1, т. II, стлб. 1788]. То есть в русском сознании давно уже оседлый большею своею частью народ по-прежнему воспринимался в духе XIII века, как кочевой.

Завершает цикл Азовских повестей «сказочная» повесть об Азовском взятии и осадном сидении. Это уже почти полностью вымышленное произведение. Азовская эпопея в конце XVII в. становится легендой и возрождается в литературе на легендарной основе: «...литературное возрождение старой азовской повести происходит в 70—80-х годах XVII в. в виде так называемой “Сказочной” повести об Азове. “Сказочная” повесть об Азове состоит из трех основных частей: рассказа о пленении казаками дочери азовского паши, рассказа о взятии Азова хитростью и описания азовской осады» [11, с. 229]. В ней крымский сюжетный ход занимает одно из ведущих мест.

Автор «сказочной» повести использовал в своем произведении некоторые мотивы «исторической» повести, ввел в нее большой фрагмент из «поэтической» повести, изменив при этом характерное для «сказочной» повести повествование от третьего лица на прямой рассказ («И мы, казаки...»). Однако эта литературная основа дополнена большим количеством легенд, устных преданий, песен, почерпнутых из казачьего фольклора. На легендарных мотивах и строится сюжет повести. Прологом служит история пленения дочери азовского паши, предназначенной в жены крымскому хану Старчию, за которую казаки получают большой выкуп. Казаки берут Азов хитростью, проникнув в город под видом купцов, спрятав на возах вооруженных казаков. «Этот мотив встречается в украинских и русских народных песнях, в частности и в песнях о Степане Разине...». Рассказ об осаде Азова турками насыщен множеством эпизодов — о пленении казаков, хотевших спрятать на острове табун коней; о казачьих вылазках во время одной из которых казаки, переодетые в турецкое платье проникли ночью во вражеский лагерь, убили крымского хана Старчия, захватили богатую добычу и боевые знамена и т.п. «Большинство эпизодов — несомненный вымысел, но часть из них соответствует действительности и известна из воспоминаний участников осады» [см.: 4, с. 106].

В повести хорошо прослеживаются те тенденции, которые были характерны для русской литературы переходного периода. Уже в «поэтической» повести большое место было уделено прямой речи персонажей. Причем не просто передачи слов выражений, оценок, как это можно наблюдать в произведениях предыдущего литературного периода, но передаче речи развернутой, украшенной, ироничной, саркастичной, логически выверенной (конечно, в рамках возможного для того или иного автора). Еще А. Н. Робинсон показывал, с одной стороны, традиционные для древ-

нерусской литературы художественные приемы, запечатленные «поэтической» повестью («преувеличенно пышные картины боя», «образы “чудес” и “видений”» [11, с. 218], «типичные средства стиля народной поэзии», «типичные для древнерусской литературы сравнения» [11, с. 220], «традиционная торжественная стилистика» [11, с. 221]), а с другой — говорит о явном новаторстве автора («традиционная торжественная стилистика совмещается в повести с метким, грубоватым, но выразительным просторечием, с характерной по своей смелости и остроте казачьей насмешкой» [11, с. 221], автор «использует типичные народно-поэтические эпитеты» [11, с. 222], «характерные для народной поэзии образцы иронии» [11, с. 225]).

«Сказочная» повесть в силу быстро изменяющегося состояния литературы не только усвоила эти приемы, но и добавила свои. Причем главным из них несомненно стало появление в повести вымышленного героя — крымского царя Старчия. Изменились цели, сама идея произведения. Если «историческая» и «поэтическая» повести имели вполне конкретную цель — убеждение царя и бояр в необходимости поддержки захвативших Азов казаков и поэтому идеей этого произведения становилась ярко выраженная патриотическая идея, то с утерей политической цели повесть приобрела только развлекательное значение, поэтому автор прежде всего добивался занимательности в повествовании: «С переменной социальной функции повести исторически и идейно обусловленные особенности ее жанра и стиля как поэтической “войсковой отписки” стали чужды и малопонятны читателю» [11, с. 229].

«Сказочная» повесть об Азове объединяет... три различных сюжета. Первый из них — пленение знатной турецкой девицы — служит своего рода прологом к дальнейшему описанию казачьих подвигов» [11, с. 230] и дает ход отдельной сюжетной линии (или, скорее, подобию сюжетной линии), которая, может быть, и не является ярко выраженной, но вполне различима и связана как раз с крымским мотивом.

Начинается повесть с того, что «в некое время азовской воевода, паша, а по нашему боярин отдаде за крымскаго царя Старчия дочь свою в жены. Паша же нагрузи четыре бусы живота и дочь свою отпусти на тех бусах в Крым к царю Старчию, а провожатых послал за дочерью семь сот человек» [12, с. 85]. Этих-то семьсот человек и разбили напавшие на них казаки («татар порубиша, а иных в море пометаша — всех семь сот человек побиша» [12, с. 86]), захватили девицу, предназначенную крымскому царю Старчию, и скрылись на Дону, чтобы взять выкуп. А получив выкуп, построили часовню, поместили в ней иконы (написанные самими казаками) Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца. А затем, взяв с собой иконы, пошли на Азов, но захватили его не приступом, а хитростью, спрятавшись в телегах и так обманув городскую стражу.

Захват Азова, конечно, не мог стерпеть турецкий царь Брагим и, собрав войско, двинулся на приступ. Среди многотысячного войска шел и «крымской царь Старчия со своею силою. За ним идут дватцать пашей, у всякаго паши по одной тысячи в драгом одеянии. А за пашами идут пятидесять полковников, у всякаго в полку по две тысячи. За полковниками идут кафимския земли дватцать пашей, у всякаго паши в полку по одиннатцати тысящ. <...> А за ними идет пехота крымскаго ца-

ря Старчия: сто полковников, у всякаго в полку по одной тысящи. А за тою пехотою идет пехота кафимская: шестьдесят полковников, у всякаго в полку по одной тысящи» [12, с. 92].

Ночью казаки отваживаются на вылазку и пробираются в турецкий лагерь, «назвашася турецкими людми». «И егда казаки увидеша шатры царя Старчия», сказали охранникам, «что идем от царя Брагима ко крымскому царю Старчию с подарками» [12, с. 101]. Оказавшись обманным путем у шатра хана, «отвориша у шатра полы, и видеша на столе свеща горит, а на одре царя Старчия спяща, а при возглавии его мечь висящ. И похватиша мечь и отсекоша главу царю Старчию. И обвертеша главу во одежду ево, и взяша с собою, и овертеша в драгое цареву платье, и поидоша ис полков вон» [12, с. 102].

Весь «крымский сюжет» на этом и заканчивается. Автору, понятно, важны яркие и запоминающиеся события, что он, собственно, и описывает, но здесь важно подчеркнуть, что мы видим в последовательности этих событий и определенную мотивировку, которая складывается в не очень заметную, но вполне определяемую сюжетную линию. Девушку, предназначенную Старчию, похищают казаки, поэтому участие крымского царя в походе на Азов становится особенно мотивированным, хотя автор об этом напрямую и не говорит. Казаки же видят в действиях Старчия месть и, убивая его, не только стремятся показать свою силу и насолить турецкому царю, но и убрать с поля боя наиболее, так сказать, активного противника. Конечно, проследить этот сюжетный ход можно исключительно умозрительно, поскольку постепенно устанавливающиеся в литературе поэтические законы еще только формируются, и автор обращает внимание на занимательность описываемой им картины, но никак не на логическую и психологическую мотивировку действий героев. Но существует еще читательское восприятие, которое невольно связывает события в определенную логическую цепочку.

ВЫВОДЫ

Таким образом, все азовские повести, и написанные в начале 1640-х, и написанные в 1670—1680-е годы, зафиксировали одно и главное: Крым — чужая и враждебная к русскому человеку страна, жители Крыма — хитрые, коварные, воинственные, и разговаривать с ними можно только с позиции военной силы. То есть ничего существенно нового в плане информационного понимания Крыма азовские повести не добавляли. Зато приближали Крым к русскому читателю более детальным описанием внешнего вида, обычаев и нравов его жителей, вызывая своеобразной экзотичностью описаний интерес к нему, а, следовательно, и закладывая в сознание новые мифологические формулы.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: / В. И. Даль. — СПб.: М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1905. — Т. II — 1017 с.
2. «Историческая» повесть о взятии Азова в 1637 г. // Воинские повести Древней Руси. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — С. 45—56.
3. Каган М. Д. Повесть об Азове историческая / М. Д. Каган // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. — Т. XLI. — С. 48—49.
4. Каган М. Д. Повесть об Азовском взятии и осадном сидении сказочная / М. Д. Каган // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. — Т. XLI. — С. 106—107.
5. Каган М. Д. Повесть об Азовском осадном сидении документальная / М. Д. Каган // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. — Т. XLI. — С. 107—108.
6. Каган М. Д. Повесть об Азовском осадном сидении поэтическая / М. Д. Каган // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. — Т. XLI. — С. 108—111.
7. Курбский А. Сочинения Андрея Курбского: История о великом князе Московском [Электронный ресурс] // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб.: Наука, 2001. — Т. 11: XVI век. — 683 с. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9862>
8. Курьянов С.О. «...тайный ключ русской литературы»: Формирование и становление Крымского текста в русской литературе X—XIX веков: монография / С. О. Курьянов. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. — 440 с.
9. «Поэтическая» повесть об Азовском осадном сидении в 1642 г. // Воинские повести Древней Руси. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — С. 57—81.
10. Робинсон А. Н. Жанр поэтической повести об Азове // Труды Отдела древнерусской литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — Том VII. — С. 98—130.
11. Робинсон А. Н. Повести об азовском взятии и осадном сидении // Воинские повести Древней Руси. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — С. 166—243.
12. «Сказочная» повесть об Азовском взятии и осадном сидении в 1637 и 1642 гг. // Воинские повести Древней Руси. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — С. 83—112.

THE MYTH OF THE CRIMEA AS THE EASTERN MUSLIM COUNTRY IN STORIES
OF AZOV CYCLE (XVII CENTURY)

Kuryanov S. O.

Heterogeneous in their versions Crimean myth formed over centuries and became the basis of the Crimean text. Before the beginning formation of the new Russian literature, he showed in his two versions — the myth of the Crimea as a saint Orthodox land, and the myth of the Crimea as the eastern Muslim country. The article deals with one of the stages of formation of a second embodiment of the Crimean myth that has emerged in the XIV—XVII centuries. It was the myth of the hostile Muslim land, alien to the Russian state. The basis of this myth has been recorded in literary works of Russian writers attitude to the Crimean Khanate, the Crimean Tatars. The cycle of stories about the capture of the Don Cossacks of Azov and the siege of the Turks and Tatars Azov demonstrates the final stage of formation of this myth, which does not change its nature, but displays changes in the literary mindset of Russian writers. Azov story did not add anything substantially new in terms of the Crimea perception, however advanced the Crimea to the Russian reader a more detailed description of the appearance, customs and manners of its inhabitants, with the result that these kind of exotic descriptions aroused interest in it, and, therefore, fixed in the perceiving consciousness new mythological formula.

Keywords: Old Russian literature, myth of Crimea, the Crimean text, Azov stories cycle, the Crimea, the Crimean Tatars.